

РОССИЙСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА: КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И XXI ВЕК. (Материалы навстречу Всероссийской научной конференции)

В октябре 2005 года Государственный республиканский центр русского фольклора проводит конференцию «Российская фольклористика: Классическое наследие и XXI век». Читатели уже имели возможность познакомиться с материалами, затрагивающими проблемы, которые выносятся на обсуждение участников этого научного форума. На страницах альманаха были опубликованы статьи А.С. Каргина «Современный фольклорный процесс: реальность и стереотипы восприятия» (№ 4 за 2003 г.), а также А.Н. Владова и Т.Н. Бунчук «Фольклорный текст и методы его интерпретации» (№ 2 за 2004 г.).

В этом году редакция планирует сделать такие публикации регулярными. Для этого создана специальная рубрика, в которой будущие участники конференции смогут не только обозначить свои научные позиции, но и развернуть дискуссии по вопросам, наиболее остро стоящим в современной науке о фольклоре. Наши авторы поделятся своими размышлениями о том, что такое фольклор и какое место он занимает в современном культурном пространстве, как с течением времени меняются методы научного анализа явлений традиционной культуры, как будут развиваться научные дисциплины, занимающиеся изучением фольклора и традиционной культуры, возможно ли реальное объединение их усилий.

Мы надеемся, что эти вопросы волнуют и вас, дорогие читатели, а значит, такой обмен мнениями будет интересным и полезным.

От редакции

**В.П. АНИКИН
(Москва)**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ
ФОЛЬКЛОРИСТИКА
(ЕЕ ПРЕДМЕТ,
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ,
ОТНОШЕНИЕ К СМЕЖНЫМ НАУКАМ)**

Современная филологическая фольклористика возникла в 20-х гг. XX века. У нее были прочные связи с фундаментальными трудаами предшественников. Известно, что все крупные ученые-фольклористы: Ф.И. Буслаев, А.Н. Афанасьев, О.Ф. Миллер, А.А. Потебня, А.Н. Веселовский, В.Ф. Миллер, их последователи и ученики – были филологами-словесниками и свой предмет изучения называли не иначе, как «народная поэзия», «народная словесность». При всем разнообразии исследовательских подходов речь всегда шла об изучении именно художественного творчества, причем нередко как части истории литературы. Культурно-исторические и этнографические принципы изучения не отделяли от филологии. В 20-е гг. XX века такой подход стали называть «русской школой».

Эта школа разошлась с западноевропейской и американской наукой в самом понимании того, что считать фольклором. За рубежом фольклором называли, называют и ныне, не только словесное творчество: песни, рассказы, пословицы, поговорки, предания, легенды – т.е. все устные произведения, но и бытовую культуру: к примеру, рецепты старинной кулинарии, обычаи и разные бытовые обыкновения, трудовые навыки, профессиональные знания народных мастеров (гончаров, шахтеров, кузнецов, вообще всех ремесленников), и в особенности – мифы, отложившиеся в комплексе обрядов. В сущности, к фольклору без видимых границ относят всю старинную культуру «низов», остаточно уцелевшую от древности. В самом названии зарубежной научной

дисциплины содержится соответствующее указание – *tradition populaires* (фр.), т.е. народные традиции (ср. аналогичное именование в Испании и Италии). Толкование фольклора связывают и с изучением особенностей массовой психики – *démo-psychologie* (фр.), народная психология. Изучение входит в общее народоведение – *Volksforschung* (нем.) и подобное. Соответственно, иначе, чем у нас, определен и предмет изучения.

Исследование бытга, которым в отечественной науке занята этнография, филологами не отстранялось, но предметом изучения с 1920-х гг. преимущественно было сделано сознательное художественное творчество наряду с бессознательно-художественным творчеством в легендах, преданиях, устных рассказах, а равно и в мифах, обрядах, бытовой речи. Отмечу еще, что русских исследователей и собирателей в первую очередь занимали живые процессы непрофессионального и полупрофессионального художественного творчества у наиболее одаренной части сельского и городского населения: у самородков-художников, сказителей, рассказчиков, певцов, плясунов, сочинителей частушек и анекдотов, знатоков старины. При этом фольклористы не были озабочены выявлением принципиальных различий между творчеством народных певцов, рассказчиков и артистической работой художников – поэтов, прозаиков, творцов профессионального искусства. Нередко усматривалось сходство вплоть до полного отождествления. Разницу допускали не качественную, а только количественную – в фольклоре отмечали лишь большее присутствие традиций, идущих из древности.

Первыми открыто признали такие граници для изучения фольклора братья Борис Матвеевич и Юрий Матвеевич Соколовы, а также Марк Константинович Азадовский, самостоятельно еще в пору жизни в Сибири пришедший к выводу, что фольклор следует изучать прежде всего как искусство. В 1926 г. в Москве стали выходить непериодические сборники под названием «Художественный фольклор» (орган художественной подсекции Государственной Академии художественных наук). В предуведомлении от редакции говорилось, что «вопросам, связанным с художественным моментом в фольклоре, будет уделяться в журнале преимущественное внимание» [Художественный фольклор 1926, 4], а в статье «Очредные задачи изучения русского фольклора», которой открывался первый выпуск, Ю.М. Соколов отметил, что «всего важнее «определить связь и границы фольклористики с другими,

смежными дисциплинами». По убеждению ученого, поскольку фольклористика связана с вопросами бытга (особенно в области обряда), она может рассматриваться и «в качестве какого-то сегмента этнографии», но основным и преобладающим в фольклоре Соколов признал «элемент словесный»: по этой причине «фольклор входит в область литературоведения» [Соколов 1926а, 7]. При обосновании своего вывода Ю.М. Соколов отметил, что устный способ распространения фольклорных произведений, выдвигаемый как контраргумент против мысли о литературно-художественной природе фольклора, не имеет силы: данные психологию творчества, психологию восприятия оставляют в силе тезис о фольклоре как художественном, в сущности, явлении. Соответственно, отстаивал свою мысль Соколов, фольклор подлежит изучению приемами литературоведения [Там же].

Единомышленник брата Б.М. Соколов в том же выпуске сборника в статье «Экскурсы в область поэтики русского фольклора» писал: «Устная поэзия – это прежде всего искусство, искусство живое, заражающее, вечно творимое и имеющее, несмотря на все различие жанров и на сложность своего происхождения, свою особую поэтику, какое-то еще нами мало уточненное и определенное единство стиля» [Соколов 1926, 32]. Для уяснения художественной значимости фольклора, считал Б.М. Соколов, важны эстетические оценки, какие мы находим в самом устном творчестве. В качестве одного из аргументов ученый назвал игру Добрыни на гуслях и считал этот былинный эпизод прямым доказательством «достаточно высокого эстетического сознания у былых слагателей былин» [Там же].

Еще определенное аналогичные мысли формулировал М.К. Азадовский. В «программной» статье о сказочниках, открывшей двухтомную антологию «Русская сказка. Избранные мастера» (1932), он писал как о давно выношенном: «Всё "устное творчество" (или фольклор) в целом обычно противопоставляется собственно литературе. В литературе – борьба живых сил и вечно творческая работа; в фольклоре – мертвая традиция; в литературе – выступают и подвизаются отдельные творческие единицы, индивидуальные художники, создаются и борются школы и направления, идут беспрерывные поиски новых форм и методов воплощения; фольклор – творчество безличное и безыскусственное, не связанное с отдельными индивидуальностями, но принадлежащее всему народу, отражающее общенародную психологию и общенародные верования

и тесно связанное с архаическим миросозерцанием» [Азадовский 1932, 13]. М.К. Азадовский же приравнял фольклор по всем основополагающим признакам к литературному творчеству.

Утверждение филологической фольклористики в науке совпало с крайне неблагоприятным временем¹. В условиях усиливавшегося политического давления ее принципы во многом деформировались (особенно в области практической реализации), но и в ту пору, и позднее тезис об особых художественных свойствах и качествах фольклора был оставлен в силе (см.: [Морозов 1999, 25–42 и др.; Бахтина 2000]). Никем при самом возникновении извне не инициируемое направление просуществовало в науке до середины 1950-х гг., пока его многочисленные сторонники и продолжатели не внесли уточнения и изменения в ряд «вторичных» исследовательских принципов школы. Резкой критике и пересмотру были подвергнуты сервильные практические выводы, сделанные в результате ложного отождествления фольклора и литературы. Однако статус фольклористики как науки о народном искусстве никем не оспаривался. Произошел лишь отказ от прямого и безоговорочного включения фольклористики в литературоведение. Таким образом, были устраниены крайности концепций, но сохранены границы научной дисциплины.

В новых работах получила подтверждение давняя мысль ряда исследователей о том, что художественное творчество имело место и тогда, когда устное произведение возникало не по законам литературного порождения, а на основе *непрофессионального* поддержания и развития *массовых традиций*, и всегда существовало, развивалось в их границах. Было установлено и показано, к каким заблуждениям вело перенесение свойств индивидуального творчества на фольклор и рассмотрение его в ключе литературоведческих понятий и суждений. Стоит лишь упомянуть о поисках в фольклоре метода и принципов романтизма, критического реализма, социалистического реализма. Развитие фольклора и самое его существование зависели от других факторов, которые лежали в сфере преемственности творчества, в передаче фольклора от поколения к поколению. Процесс был схож с тем, что имел место в исторической эволюции языка. Особо замечу, что признание этого обстоятельства не вело к отождествлению фольклора и языка, о чем еще пойдет речь. С какой страстью фольклористы 1950 – 60-х гг. искали истину и как вы-

шли на плодотворный путь изучения фольклора как творчества *неавторского* типа, можно убедиться, просмотрев научную и отчасти общую прессу тех лет. Повторю, почти все фольклористы тогда изучали фольклор в границах его трактовки как художественного творчества. Отказ от этого основополагающего тезиса выводил исследователя из границ науки о фольклоре, превращая фольклориста в этнографа, культуролога, лингвиста, религиоведа, историка, социолога, этнопсихолога. Сказанное не означает, что изучение искусства слова, художественного творчества в фольклоре противостоит изучению его методами других дисциплин. Однако это происходит лишь до поры, пока не имеет места отказ от понимания сущности предмета науки.

Истолкование фольклора как художественного творчества стало основой исследовательского направления, успешно существующего и поныне. У фольклористов-филологов оно связано с изучением искусства слова. К филологической фольклористике примыкает изучение других народных искусств: музыки, танца, театра и проч. Эти области составили предмет изучения народного искусства в музыкальной фольклористике, фольклорной хореографии, фольклорном театроведении и др. Самостоятельность филологической и искусствоведческой фольклористики не исключала использования в них результатов, полученных методами и приемами, практикуемыми другими науками. И чтобы устранить нередкое теперь недоразумение, касающееся якобы имеющей место узости подхода к изучению фольклора, отмечу, что фольклористы-филологи никогда (ни прежде, ни позднее) не допускали недооценки результатов исследований в смежных науках.

На протяжении нескольких десятилетий до 1917 г. фольклористика являлась частью этнографии, исторической культурологии, соединяясь с лингвистикой, приняв ее сравнительно-исторический метод. Тесные связи у фольклористики были и с литературоведением. Почти все крупные ученые-фольклористы были филологами по образованию и предлагали соответствующие подходы к изучению фольклора. До известного времени специалисты удовлетворялись таким положением, но по мере вхождения в предмет признали целесообразность раздельного существования разных по сути научных дисциплин, каждой со своим предметом изучения. Однако даже при самых радикальных решениях никто не отказывал учителям в заслугах: значение их трудов для фольклористики как самостоятельной науки не

¹ Подробнее об этом см.: [Смолицкий 1994].

ставилось под сомнение². Исследования, выполненные на других основаниях, ценились, хотя в особенности высоко ставились те из них, которые были близки новаторам по самой сути истолкования фольклора. Не лишним будет отметить, что при формулировании новых принципов в 1920-е гг. не раз писалось о достижениях предшественников³. Конечно, имела место и недооценка, а порой и ложная квалификация прежних исследований, в особенности в 1940 – 50-е гг., когда научные суждения без основания соединялись с политическими. Надо отличать нигилизм от естественного устремления к новизне, что по необходимости сопровождалось отказом от привычных, широкого распространенных прежде взглядов.

Возникшая научная дисциплина о художественном фольклоре постепенно набирала

² Так, саратовский профессор Александр Павлович Скафтымов не принял метода историко-культурного анализа В.Ф. Миллера по всему фронту его научных позиций. Молодой ученик Б.М. Соколова осознавал, что разошелся во многом и со своим учителем, который, несмотря на привнесенные новации, всё-таки продолжал следовать В.Ф. Миллеру. А.П. Скафтымов стоял на куда более радикальных позициях. В своем превосходном труде об эпосе он писал: «Никто никогда не сомневался квалифицировать былину как произведение художественное, и исследователи не отрицали ее художественности, иногда в своих соображениях касались и апеллировали к этой стороне ее свойств, но все это только случайно и эпизодически, тогда как эстетическая природа предмета исследования должна быть положена в самую организующую основу их разысканий, с тем, чтобы она беспрерывно пронизывала мысль и приемы исследования. Былину, как таковую, проглядели, всегда хотели видеть в ней только музейные отголоски прошлого, оттого исследования о ней превращались в трактаты общей культурной и политической истории» [Скафтымов 1924, 40]. Несмотря на такую решительную критику, А.П. Скафтымов не забыл о заслугах В.Ф. Миллера: «Говоря здесь (в своей книге. – В.А.) лишь о его методе, я не считаю нужным сводить фактических итогов его научных заслуг» [Там же, 21]. Оговорка характерна для принципов филологической фольклористики, никогда не рвавшей с традициями академического исследования фольклора.

³ Ограничусь немногими примерами. Так, Ю.М. Соколов в поиске единомышленников среди прежних ученых сослался на статью Н.В. Васильева «Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах» (1907) [Соколов 1926а, 21]. В особенности часто к исследовательскому опыту предшественников обращался М.К. Азадовский в масштабной «Истории русской фольклористики». Историограф не раз проводил параллель между довоенными трудами и исследованиями нового времени, сближая прежние и новые приемы и подходы [Азадовский 1958 – 1960].

силу. Прямые ученики и последователи Б.М. и Ю.М. Соколовых, М.К. Азадовского развернули и обосновали концептуальные соображения учителей, существенно пополнили аргументы в пользу изучения фольклора как художественного творчества. Владимир Иванович Чичеров еще в довоенные годы, работая над кандидатским трудом «Школа сказителей Запонежья» (1941), установил локальные местные сказительские манеры, обязанные происхождением выдающимся исполнителям эпоса [Чичеров 1982]⁴. Диссертация писалась преимущественно на основе материалов, собранных им самим и другими участниками экспедиции на русский Север (экспедиция была организована и проведена братьями Соколовыми в 1926 – 1928 гг.). В.И. Чичеров охарактеризовал локальные особенности былин, стиль и манеры сказительского исполнения. Он установил творческие возможности, заключенные в поэтике эпоса. Конечно, наблюдения и выводы Чичерова относились в первую очередь к позднему состоянию былинного эпоса, но одновременно они показали, в каких вероятных исторических формах существовала самая традиция былин и прежде – на протяжении столетий.

О В.И. Чичерове как исследователе с драматической судьбой речь должна идти особо по причине несомненного ныне забвения его роли в науке. Труды ученого, а главное – используемые им принципы изучения фольклора еще ждут объективной оценки. В пору ученичества он как исследователь и преподаватель московских вузов шел от взглядов братьев Соколовых: определяя предмет фольклористики, характеризовал сущность фольклора как «массового народного художественного творчества» [Чичеров 1938, 3]. Однако в послевоенном конспекте курса фольклора, не покидая прежних позиций, он уже считал необходимым «акцентировать некоторые вопросы народного творчества, не получившие в учебнике Ю.М. Соколова надлежащего освещения» [Чичеров 1949, 3]. Это были естественные поправки и дополнения, которые обыкновенно вносят в любую развивающуюся дисциплину⁵. Для справедливой оценки заслуг В.И. Чичерова как исследователя и преподавателя

⁴ Из новейших работ на эту тему см.: [Иванова 2001]. Причем география этого исследования значительно расширена, а проблематика усложнена.

⁵ Среди этих поправок были и связанные с историческим толкованием фольклора. Ю.М. Соколов от таких вопросов уходил по причине нежелания принимать участие в политическом шельмовании своего учителя – В.Ф. Миллера – как ученого с «барским» взглядом на эпос. Ю.М. Соколов не ук-

черова как ученого надо принять во внимание, что в ту пору все исследователи фольклора, в их числе и он, разделили пафос построения нового общества на началах гуманизма и справедливости. По этой причине, хотя и в разной степени осязаемости, они резко критиковали всё, что считали расходившимся с радикальной идеологией тех лет. Был беспощаден Чичеров и к себе. Драматична история публикации им кандидатской диссертации. Книга должна была выйти в свет в 1949 г. в Петрозаводске, но по решению автора набор был рассыпан⁶. Официальная пресса уже искала повод поступить с автором, как ранее поступила при осуждении труда В.Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Исследование В.И. Чичерова было напечатано лишь спустя годы.

Выдающейся заслугой ученого стало завершение работы над томом «Онежских былин» – записями известной северной экспедиции братьев Соколовых⁷. В сущности, эта работа была проведена заново от начала до конца: выверены и прокомментированы все записи. В качестве составителя и редактора тома В.И. Чичеров продолжил давнюю традицию собирателей и публикаторов эпоса, идущую от А.Ф. Гильфердинга. Цель публикации была та, которую ставили перед собой братья Соколовы, – понять характер живых изменений эпоса на последнем этапе его существования.

Докторская диссертация В.И. Чичерова на тему «Зимний период русского землемельческого календаря XVI – XIX веков. Очерки по истории народных верований» заключала в себе изучение календарного фольклора как феномена быта и поэзии. Историко-этнографический и художественный анализ органически соединены в этом труде. Чичеров и в этом случае следовал принципам школы Соколовых. Он четко разделил сферы изучения, показал, как синкретически соединяются верования и художественные начала, образуя традиции единого по природе и существу творчества. Как ученик В.И. Чичерова свидетельствую, что автор диссертации изучил землемельческий фольклор всего календарного года – материал был подобран, расклассифицирован, обдуман, оставалось только изложить

лонился от оценки проблем историзма эпоса, как их понимал В.Ф. Миллер, но вопрос об истории эпоса оставил открытым [Соколов 1937].

⁶ В библиотеке автора статьи сохранился сигнальный экземпляр: Чичеров В. Школы сказителей Заонежья / Ред. А.М. Астахова. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1949.

⁷ Поступил в продажу только в 1951 г.

уясненное письменно. Но на это времени у автора уже недостало. После братьев Соколовых В.И. Чичеров был одним из самых крупных фольклористов, продолжавших дело своих учителей.

Ближайший сотрудник Ю.М. Соколова Эрна Васильевна Померанцева (Гофман), начав со статьи «К вопросу об индивидуальном стиле сказочника», в которой реализовала исследовательские установки учителя [Гофман 1929], пришла в итоге к многосторонней разработке проблем исторического изменения традиционной сказки на поздних этапах существования. В докторской монографии «Судьбы русской сказки» исследовательница учла многие культурно-исторические (в первую очередь художественные) факторы, повлиявшие на смысл, поэтику и стиль архаического по происхождению жанра [Померанцева 1965]. Исследование обогатило науку интерпретацией факторов, которые оказались на преодолении в сказочном фольклоре модели его первоначального архаического бытия. Другая значительная работа автора «Мифологические персонажи в русском фольклоре» написана в традициях истолкования образности быличек и близких им видов устной прозы как явления неосознанного художественного творчества народа и остается до сих пор лучшим исследованием этого рода среди работ последних десятилетий [Померанцева 1975].

По-своему толковавший фольклор Петр Григорьевич Богатырев вскоре после окончания Московского университета по не зависящим от него обстоятельствам оказался за рубежом и вернулся в Россию лишь в 1940 г. Однако в короткое время он вошел в проблематику «русской школы», так как всей системой своих взглядов был изначально близок к ней, принял и ее метод. Выдающийся ученый-славист много сделал для изучения поэтики русского фольклора, принципов и приемов его художественной образности, стиля, а равно – процесса импровизации (см. его поздние работы в: [Богатырев 1971]). Исследователь установил закономерности изменения и развития, общие у словесного фольклора с драматическим (ярмарочное красноречие), хореографическим (обряды и пляски), изобразительным искусством (лубок и проч.).

Свой вклад в филологическое изучение русского фольклора внес и другой ученый-славист – Николай Иванович Кравцов. По его инициативе кафедра фольклора Московского университета подготовила пять тематических сборников под общим названием [Фольклор как искусство слова 1966 – 1981]. В полном

согласии с установками школы Соколовых-Азадовского преподаватели и сотрудники кафедры (А.В. Кулагина, Н.И. Савушкина, Ф.М. Селиванов, автор этой статьи и др.) ориентировались на выявление в фольклоре приемов и принципов образности, используя методы, общие для фольклористики и литературоведения. Изучение фольклорного произведения как проявления искусства слова предполагало анализ психологического изображения, художественных средств (гиперболы, антitezы, сравнения, символа, метафоры, параллелизма, эпитета).

Школа художественного изучения фольклора эволюционировала, уточняла свои положения и выводы. По мере углубленного вхождения в фольклорную проблематику сторонники этого направления остро ощущали необходимость уточнить границы, отделявшие фольклорное изучение от области исследования его в смежных науках. К этому обязывало самое постижение живых процессов фольклорного творчества, как они себя проявляли в современной народной культуре и быту. Было установлено, что в устном творчестве наблюдается заметное смещение устных произведений в сторону массовых культурных явлений, происходит утрата очевидных признаков прежней фольклорной характерности. Становилось непросто отделить собственно фольклорное творчество от творчества современных самодеятельных поэтов, от авторской, профессиональной работы отдельных лиц. Имели место трансформация, разрушение, исчезновение ряда жанров, замещение их новыми формами творчества, далеко не во всем сходными с прежним фольклором.

Актуальным стало и конкретное размежевание собственно фольклорного, социологического и этнографического подходов, не говоря уже об отделении проблем собственно фольклорных от чисто историко-литературных. Это обстоятельство по-своему сказалось на замысле и осуществлении коллективного сборника членов кафедры Московского университета [Традиции русского фольклора 1986]. Исследовательский акцент в статьях был сделан на уяснении традиционного содержания фольклора, устойчивых свойств его жанровых форм и стиля. Было важным установить качества фольклора, общие у всех его носителей. Вне традиции массовое художественное явление не может считаться фольклорным. Особо отмечалось, что художественные свойства фольклора необходимо изучать в границах его традиционных свойств со всеми историческими сложившимися особенностями, существен-

но отличающимися от всего, что характеризует творчество индивидуальных художников в области профессионального искусства.

Было внесено и существенное уточнение в известный тезис Ю.М. Соколова о фольклоре как «отзвуке прошлого» – о том, что фольклор «в то же время и громкий голос настоящего» [Соколов 1941, 14]. Вечно живом фольклорном творчестве, несомненно, звучит настоящее, но в нем много сильнее голоса прошлого. Последнее обстоятельство открывало путь к изучению истории фольклора; при соответствующем использовании особых приемов и методов предусматривался учет историко-стадиального изменения фольклорных традиций и конкретное рассмотрение изменений самих традиций, что прослеживается по многочисленным вариантам фольклорных произведений [Аникин 1980а; 1984]. Одновременно уточнение тезиса Ю.М. Соколова вводило в надлежащие рамки изучение и современного фольклора, исключая гипертрофию оценок его минимой актуальности, устранило фальсификации и подделки. Обновляющие пути анализа фольклорного искусства слова указаны и подтверждены в работах [Савушкина 1988; Селиванов 1988; Аникин 1996 и др.].

Изучение фольклора в границах понимания его как искусства стало в науке общепринятым. Назову труды наиболее известных учеников, созданные на основе принципов филологического анализа [Чистов 1955; Путилов 1960; Колпакова 1962; Балашов 1966; Бахтина 1972; Новиков 1974; Акимова 1977; Митрофанова 1978; Азбелев 1982; Круглов 1989; Астафьева 1994; Зуева 1993 и др.]. Это лишь небольшая часть исследователей, плодотворно работавших в границах изучения русского фольклора как художественного творчества. Все они имеют своих учеников и последователей.

Вопрос о статусе фольклористики как науки, не отождествляемой ни с этнографией, ни с общими и специальными этнолого-культурологическими дисциплинами, обострился на переломе 1970 – 80-х гг. и особенно повлиял на работу фольклористов в последние десятилетия XX в. Теоретиками было поставлено под сомнение самое право на существование филологической фольклористики, а у исследователей-практиков изучение художественных свойств фольклора оказалось либо ослабленным, либо вообще осталось в стороне.

Препятствие, которое филологическое направление встретило на пути своего развития, возникло в связи с внедрением в отечественную науку принципов, исключающих толко-

вание фольклора как художественного творчества⁸. Всё началось с переиздания в 1969 г. известной работы В.Я. Проппа «Морфология сказки» (1928). Ее автор был объявлен основоположником нового направления в отечественной науке, которое было названо *структурализмом*. Представители этого направления декларировали: «Фольклористика, несомненно, является "привилегированым" полем применения структурных методов, так же как и этнография» [Мелетинский 1974, 332]. Не было недостатка и в заявлениях о том, что изучение фольклора как искусства обедняет науку; говорилось о пагубном влиянии на фольклористику принципов литературоведения. Но дело было даже не в заявлениях, а во внедрении новых методологических оснований, чуждых художественному анализу. Этому и послужило в свое время истолкование исследовательского опыта В.Я. Проппа как универсального метода анализа фольклора.

Известно, что при изучении фольклорной синхронии ученый действовал в рамках обобщенных типологических подходов, а при истолковании генезиса фольклора придерживался методологии антрополого-этнографических дисциплин. Была забыта и по существу отстранена та несомненная истина, что В.Я. Пропп изначально работал как фольклорист-филолог иставил целью описать *поэтику* русских волшебных сказок. На этом пути он эмпирически, с непосредственной опорой на материал установил сходство волшебных сказок, входивших в сборник А.Н. Афанасьева. Однако предварительные обобщения, которые вели к установлению традиционной структурной организации волшебных сказок, привычных для них сюжетных решений, выявлению повторяющихся компонентов структуры, стиля, уступили место исследовательской схематизации. Ученый пошел дальше того, на что его уполномочивал материал, – он отказался от учета *образных конкретностей* сказочного сюжета, без чего сказка как явление художественного творчества перестает существовать⁹. Аналити-

ческий подход такого рода при изучении об разно-художественных явлений с неизбежностью привел не только к односторонности, но и к прямым исследовательским натяжкам. Именно эта сторона исследовательского подхода В.Я. Проппа объясняет долгое забвение его первой книги.

Ко времени повторного выхода «Морфологии сказки» в смежных с фольклористикой науках о языке и культуре получила развитие семиотика – изучение языка и культуры как системы знаков. Не только в фольклористике, но и в других науках культуроцентрического цикла стало обычным заимствование принципов знаково-структурного анализа. Причем соображение о недопустимости пользоваться принципами, выведенными из особенностей предмета других наук, было отброшено.

В науке о языке понятия «знак», «знакость», «знаковая система» и аналогичные определены самой природой изучаемого предмета. Язык – система знаков, исторически сложившаяся у его носителей. Достаточно сказать, что одни и те же реальные явления и предметы в разных языках называются по-разному – это и обнаруживает знаковую природу слова. Другое дело *образ*. Он всем понятен по причине его *соответствия реальности*. Слово требует перевода, образ в переводе не нуждается. Никто до структуралистов не отождествлял *слово-знак* и *образ-подобие реальности*. Слово не заключает в себе подобия предметов и явлений, оно только называет их. Между тем образ при всех возможных отступлениях от правдоподобия основан на *отражении реальности*, на *аналогии* с нею. Образ не просто соотнесен с реальностью, а является ее *воспроизведением*, более или менее близким, полным или частичным. Образ признается главной исследовательской единицей во всех искусствоведческих науках¹⁰.

⁸ См. об этом: [Аникин 1976; 1980 и др.].

⁹ Методологически В.Я. Пропп отстранился от давно разными учеными признаваемого понятия простейшего мотива с его составляющими: *субъектом действия, самим действием* (предикатом), *объектом*, на который направлено действие, *обстоятельством действия*. Этими компонентами мотивов оперировал А.Н. Веселовский в «Поэтике сюжетов». Из всех составляющих мотив элементов В.Я. Пропп взял только действие, назвав его *функцией*, остальные составляющие мотив части вопреки тому, что они были *неотделимыми частями мотива как простейшего кон-*

кретного образного повествования, были отстранены либо обобщены без учета их образного смысла. И хотя теоретически их можно отстранить при изучении сюжетного действия, приходится принять и последствия такого исследовательского решения: мотив как *простое и цельное* повествовательное звено в составе сюжета перестает существовать. Не случайно обозначенная В.Я. Проппом морфология (структура) традиционной сказки обрела масштаб обобщения, при котором произошла утрата смысла сказки как *художественного целого*.

¹⁰ Принципиальное отличие образа от слова-знака не устраняется тем фактом, что в языке в пределах его знаковой системы для называния предметов и явлений может быть использовано указание на некоторые свойства обозначаемого. Это особенно заметно в диалектных словах. К примеру, сло-

Приравнивание фольклористики к лингвистике всегда начиналось с пренебрежения той аксиомой, что наука о фольклоре как наука о содержании и форме народных словесных произведений имеет дело не со знаками, а с тем, что передается посредством языка – с образами, с их особенной поэтикой. Иначе говоря, выраженное на языке – это не только язык. Традиционная условность образного воспроизведения реальности не знакового рода. Фольклорный образ неотделим от обобщения (что есть и в природе знака), но никогда не уходит от воспроизведения реальности. В лирических песнях говорят о любовной тоске, а поют о тумане, тучах, морозе, дожде; имеют в виду молодость, красоту и здоровье, а поют о сияющем солнце, заре, зрелой ягоде. Песенный символ всегда заключает в себе аналогию, подобие реальности, хотя только частично. Однако и при неполноте соответствия он остается образом, не является знаком.

В структуралистских работах образное содержание фольклора с его устойчивыми, полной многовековыми свойствами и традиционным стилем исходно всегда признавалось знаковым. И ошибка тут не только в отсутствии логики, допускающей подмену понятий. Во всех работах у структуралистов фольклор укладывается в умозрительные схемы; знаковость усматривается там, где ее нет; фольклорным образом придается смысл, которого они в себе не заключают¹¹.

вом просинец называется прибавление дневного света в декабре-январе (просинец – от про как обозначения небольшой части; ср.: слова пробел, проблеск, и подобные; синец – от синий, синь как обозначения светлого, светлеющего, даже красного) [Даль 2000, 509]. Вместе с тем реальному признаку в слове придается обобщающая знаковая функция – слово обозначает календарное время, период времени, месяц в календаре. Даже в словах с указанием реальных признаков присутствует знаковая условность. А.А. Потебня, весьма склонный усматривать в слове «эмбриональную форму» поэзии, одновременно писал об отличии поэзии от слова: «Она есть создание сравнительно обширного значения», а слово только «ограниченный словесный образ (знак)» [Потебня 1905, 59]. И соответственно отмечал: «Некоторые названия, приуроченные теперь к определенным цветам, имеют в более древнем языке неопределенное значение светлого» [Потебня 1914, 46], т.е. изначально слово заключало в себе знаковость, не тождественную по содержанию с изначальным образным признаком. Нельзя отрицать обобщенный знаковый характер слова, если даже в нем налицо некоторые реальные признаки обозначаемого.

¹¹ До какой степени умозрения можно дойти, избрав путь логического конструирования, позволяет судить хотя бы «Сравнительный словарь ми-

В народном обиходе (соответственно, и в фольклоре) помимо языка существуют и другие знаковые системы. Таковы, к примеру, некоторые обыкновения и обрядовые действия, соединяемые с примысливаемым содержанием, отчасти передаваемым через образы; таково хороводное кружение посолонь, по движению солнца, или святочное гадание – бросание башмака с намерением узнать, в какую сторону отдаст замуж, и проч. К числу знаковых явлений можно отнести также и половозрастные особенности прически, одежды, украшений. Подобные обыкновения не являются прямым подобием реальности, хотя могут опираться на некоторое сходство с ней. Они знаковы, но частично, и для обоснования общего вывода о знаковой природе фольклора не годятся.

В настоящее время структурно-семиотический анализ утратил свою притягательность. Произошло это не только в фольклористике, но и в науках о литературе, искусстве. Теперь недавние многочисленные сторонники семиотико-структуралистского направления сами увидели его бесперспективность. Удержались – больше по инерции, чем по необходимости – лишь некоторые термины («модель», «бинарность», «код» и подобные им), сохранив известный кредит доверия только в области самого общего толкования поэтических структур.

Остается сказать о том, как сложились отношения фольклористики с этнографией. Отечественная наука знает прекрасных представителей этой научной дисциплины. Достаточно назвать имена С.А. Токарева, Ю.В. Бромлея и указать на благотворное влияние их трудов на изучение этноса, этнических культур. С.А. Токарев занял свое место в науке и как незаурядный историограф. В качестве автора монографий «Исторические корни волшебной сказки», «Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования» к этнографам примыкал и В.Я. Пропп [Пропп 1946; 1963], этнографические соображения которого навсегда останутся в науке. В XX в. самым крупным ученым-этнографом и фольклористом был и остается доныне Дмитрий Константинович Зеленин. Его труды, долгое

фологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов» [Маковский 1996]. Оговорюсь, что оцениваю здесь лишь фольклористическую сторону книги. Об оправданности этиологических разысканий автора, конечно, следует говорить только соответствующему специалисту (подробнее об этом см.: [Аникин 2004]).

время остававшиеся малодоступными, дождались своего часа и теперь широко известны [Зеленин 1991; 1994; 1995; 1999; 2004]¹².

У фольклористов-филологов и фольклористов-искусствоведов никогда не было принципиальных расхождений с этнографами, но имела место недооценка этнографии. Теперь в фольклористике нет недостатка в этнографических работах, среди которых много фундаментальных, выполненных преимущественно сотрудниками отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения Российской Академии наук. Назову прежде всего коллективный этнолингвистический словарь [Славянские древности 1995 – 2004] (уже опубликовано три тома из планируемых пяти), а из конкретных исследований в особенности замечательны [Толстой 1995; 2003; Агапкина 2000; 2002; Виноградова 1982; Гура 1997; Журавлев 1994].

Какими сторонами соприкасаются, а порой и совмещаются усилия этнографа-лингвиста и фольклориста-филолога, покажу на примере. В обширном сводном труде «Символика животных в славянской народной традиции» А.В. Гура обозрел огромный массив сведений и фактов, классифицировал их [Гура 1997]. Он предложил некоторые обобщения, касающиеся преимущественно мифолого-мировоззренческих корней проанализированного материала, с осмотрительностью высказался в пользу дальнейшего его изучения в зонах соприкосновения с книжной культурой и поздними инновациями, а также указал на перспективу изучения типологического сходства фольклорной культуры славян с культурой неславянских народов. Сделано достаточно, чтобы признать высокие академические достоинства его работы. Показательно, что установлено в этом по сути справочном труде, а что оставлено для изучения иными приемами и методами.

В главе «Рыбы» (четвертой, идущей вслед за тремя другими: «Звери», «Гады и насекомые», «Птицы») автором предложена общая характеристика отнесенных к этому разделу существ, а затем дано описание «отдельных видов». К примеру, о щуке говорится, что это нечистое существо; представления о ней связаны с крестом, на котором был распят Христос, и с копьями, которыми он был пронзен (отсюда соответствующие знаки на голове щуки). Упомянуты гадания по печени щуки о том, какая зима ожидает рыбаков [Гура 1997,

752–754]. Даже в тех случаях, когда приведенные сведения достаточно скучны, автору удается приоткрыть смысл образного воплощения щуки в заговорах (упоминание ее острых зубов), в подлюдных гаданиях. Однако при самом общем сопоставлении обнаруживается огромное расстояние, отделяющее этнографические сведения – поверья – от роскошного поэтического образа щуки в новогодних подлюдных песнях: «Шла щука из Нова Города, / Она хвост несла из Бела Озера, / На щучке чешуйка серебряная, / У щучки головка жемчужининька» (зап. в г. Кинешме) [Смирнов 1927, № 554].

Разница материала, подлежащего толкованию, при изучении художественной образности, с одной стороны, и бытовых представлений – с другой, огромна. При изучении фольклорного искусства на переднем плане оказывается емкий традиционный художественный образ. Он с неизменными, чисто поэтическими подробностями предстает всюду. К примеру, в волшебных сказках благодарная щука оказывает помощь Ивану и выносит со дна оброненное в море яйцо, в котором скрыта смерть Кошечки и т.д. Мотив составляет часть целого сказки как рассказа, преодолевшего архаическую модель повествовательной традиции. Даже из этого отдельного примера следует, что этнография необходима по большей части, когда предпринимается генетическое исследование. При изучении художественного смысла этнографический анализ не является главным. Все новейшие, да и прежние этнографические толкования художественных явлений в фольклоре заключают в себе риск архаизации фольклора, в чем исследователи убедились еще в середине XIX в. Современные исследователи, архаизирующие фольклорное искусство, должны хотя бы ответить на давнюю критику мифологических штудий, которая исходила от весьма осмотрительных ученых, таких как Ф.И. Буслаев и А.Н. Веселовский.

Я хочу быть понятым правильно. Высокая академическая оценка современного этнолингвистического и чисто этнографического направлений очевидна. Другое дело, что дают эти направления собственно науке о фольклоре как художественном явлении. Усилия лингвистов (а отчасти и этнографов) направлены преимущественно на изучение фольклорной лексики, бытовых и общемировоззренческих понятий народа. В подобных случаях от чуткости самого исследователя зависит учет художественной специфики устного слова и внесение соответствующей коррекции в суждения и заключения, но такой учет не предусмотрен и

¹² К сожалению, остается неперевданной работа Д.К. Зеленина «Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии» (1929 – 1930).

не может быть предусмотрен самими дисциплинами с их подходом к изучению языка, быта и бытовых понятий. Междисциплинарные отношения этнолингвистики и фольклористики не предполагают поглощения ни фольклористики этнографией (в любом ее виде), ни этнографии фольклористикой. У этих наук разные предметы изучения.

За последние полтора десятилетия у филологической фольклористики накопилось немало проблем, которые требуют неотложного решения. С некоторыми из них столкнулось и отечественное литературоведение, которое тоже подпало под влияние исследовательского субъективизма, переживая перенос на искусство понятий из лингвистики и философии. По большей части изучение произведений художественной литературы теперь также не связано с учетом факторов, действующих при образовании их стиля. Плодотворный опыт анализа художественного слова, какое продемонстрировал в своих трудах великий филолог XX в. В.В. Виноградов, остался во многом непонятым и еще не получил продолжения.

Позволю себе перечислить наиболее важные, на мой взгляд, области науки, которые нуждаются в первоочередном внимании у фольклористов-филологов:

- история русского фольклора (в особенности в средние века, когда он не записывался, но косвенно влиял на культуру и письменное творчество);

- хронологические границы преодоления синкретизма в обрядовом фольклоре;

- характер соединения разных мировоззренческих свойств и качеств в жанрах фольклора, возникших вне обусловливающей связи с бытовой и обрядовой функциональностью;

- поздние свойства жанров фольклора, развитые на основе не давнего синкретизма, а художественного синтеза.

- структура художественного образа;

- поэтика и стиль фольклорных жанров;

- новые традиции, возникшие в фольклоре в пору его тесных связей с профессиональным творчеством (с поэзией, драмой, лубком и др.);

- неавторские формы письменного творчества;

- история изучения фольклора в ХХ в.

За пределом перечисления оставлена обширная область типологического изучения фольклора. В ней до сих пор актуальны давние вопросы, поставленные В.М. Жирмунским и отчасти дополненные и развитые Б.Н. Путиновым.

* * *

В статье затронуты важные, с точки зрения автора, страницы истории филологической фольклористики. Освещение связано преимущественно с характеристикой ее самых общих установок. Обозначение позиций науки, у истоков которой стояли крупные ученые XIX века, направлено против распространенного ныне научного нигилизма. Пора осознать, что с филологической фольклористикой связаны значительные успехи. Не сомневаюсь, что при рачительном отношении к своему наследству новое поколение ученых продолжит сделанное, восстановит иногда утрачиваемую связь с традициями науки и на этой основе станет решать новые проблемы, выдвинутые временем.

Литература

Агапкина 2000 – Агапкина Т.А. Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М.: Индрик, 2000.

Агапкина 2002 – Агапкина Т.А. Мифopoэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002.

Азадовский 1932 – Азадовский М.К. Русские сказочники // Русская сказка. Избранные мастера / Ред. и comment. М. Азадовского. В 2 т. Л.: Academia, 1932. Т. 1. С. 9–90.

Азадовский 1958 – 1960 – Азадовский М.К. История русской фольклористики. В 2 т. М., 1958. Т. 1; М., 1960. Т. 2.

АЗБЕЛЕВ 1982 – АЗБЕЛЕВ С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

Акимова 1977 – Акимова Т.М. Очерки истории русской народной песни. Саратов, 1977.

Аникин 1976 – Аникин В.П. О «логико-семиотической» классификации пословиц и поговорок // Русский фольклор. Л., 1976. Вып. XVI. С. 263–278.

Аникин 1980 – Аникин В.П. Теоретические проблемы историзма былин в науке советского времени. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. Вып. 3.

Аникин 1980а – Аникин В.П. Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического изучения былин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Аникин 1984 – Аникин В.П. Быlinny. Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Аникин 1996 – Аникин В.П. Теория фольклора. М., 1996; 2-е изд. М., 2004.

Аникин 2004 – Аникин В.П. О двух лингвистических направлениях в фольклористике // Филологические науки. 2004. № 1. С. 5–15

Астафьев 1994 – Астафьев Л.А. Сюжет и стиль былин. М., 1994.

Балашов 1966 – Балашов Д.М. История развития жанра русской баллады. Петрозаводск, 1966.

Бахтина 1972 – Бахтина В.А. Эстетическая функция сказочной фантастики. Наблюдения над русской народной сказкой о животных. Саратов, 1972.

Бахтина 2000 – Бахтина В.А. Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинство и превратности научного знания). М., 2000.

Богатырев 1971 – *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

Виноградова 1982 – *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982.

Гофман 1929 – *Гофман Э.В.* К вопросу об индивидуальном стиле сказочника // Художественный фольклор. М., 1929. Вып. IV–V. С. 113–119.

Гура 1997 – *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.

Даль 2000 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2000. Т. 3.

Журавлев 1994 – *Журавлев А.Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994.

Зеленин 1991 – *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография / Пер. с немецкого К.Д. Цивиной; Отв. ред. К.В. Чистов. М., 1991.

Зеленин 1994 – *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901 – 1913 / Отв. ред. А.Л. Топорков; Подгот. текста Т.А. Агалкиной. М.: Индрик, 1994.

Зеленин 1995 – *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русланки / Подгот. текста Е.Е. Левкинцевой. М.: Индрик, 1995.

Зеленин 1999 – *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1917 – 1934 / Сост. А.Л. Топоркова; Подгот. текста Т.Г. Ивановой. М.: Индрик, 1999.

Зеленин 2004 – *Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934 – 1954 / Подгот. текста Т.Г. Ивановой. М.: Индрик, 2004.

Зуева 1993 – *Зуева Т.В.* Волшебная сказка / Под ред. Б.П. Кирдана. М., 1993.

Иванова 2001 – *Иванова Т.Г.* «Малые» очаги севернорусской былинной традиции. Исследование и тексты. СПб., 2001.

Колпакова 1962 – *Колпакова Н.П.* Русская народная бытовая песня. М., 1962.

Круглов 1989 – *Круглов Ю.Г.* Русские обрядовые песни. 2-е изд. М., 1989.

Маковский 1996 – *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.

Мелетинский 1974 – *Мелетинский Е.М.* Структурная типология и фольклор // Контекст-1973. Лит.-теоретич. исследований. М., 1974. С. 329–346.

Митрофанова 1978 – *Митрофанова В.В.* Русские народные загадки. Л., 1978.

Морозов 1999 – *Морозов А.В.* Историография советской фольклористики (1917 – 1941). Минск, 1999.

Новиков 1974 – *Новиков Н.В.* Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.

Померанцева 1965 – *Померанцева Э.В.* Судьбы русской сказки. М., 1965.

Померанцева 1975 – *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Потебня 1905 – *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.

Потебня 1914 – *Потебня А.А.* «Слово о полку Игореве». Харьков, 1914.

Пропп 1928 – *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л., 1928.

Пропп 1946 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

Пропп 1963 – *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963.

Путилов 1960 – *Путилов Б.Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII – XVI вв. М.; Л., 1960.

Савушкина 1988 – *Савушкина Н.И.* Русская народная драма. Художественное своеобразие. М., 1988.

Селиванов 1988 – *Селиванов Ф.М.* Русский эпос. М., 1988.

Скафтымов 1924 – *Скафтымов А.П.* Поэтика и генезис былин: Очерки. М.; Саратов, 1924.

Славянские древности 1995 – 2004 – Славянские древности. Этнолингв. словарь / Подред. Н.И. Толстого. В 5 т. М., 1995. Т. 1; М., 1999. Т. 2; М., 2004. Т. 3.

Смирнов 1927 – *Смирнов В.И.* Народные гадания в Костромском крае. Очерк и тексты // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. LXI. Этнограф. сборник. № 4. Кострома, 1927.

Смолицкий 1994 – *Смолицкий В.Г.* Предисловие // Фольклор России в документах советского периода 1933 – 1941 гг.: Сб. документов / Гл. ред. серий А.С. Каргин. Сост.: Е.Д. Гриньюко, Л.Е. Ефанова (отв. сост.), И.А. Зюзина, В.Г. Смолицкий, И.В. Тумашева. М.: ГРЦРФ, 1994. С. 4–18. (Из истории традиционной культуры).

Соколов 1926 – *Соколов Б.М.* Экскурсы в область поэтики русского фольклора // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. I. С. 30–53.

Соколов 1926а – *Соколов Ю.М.* Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. I. С. 5–29.

Соколов 1937 – *Соколов Ю.М.* Русский былинный эпос. (Проблема социального генезиса) // Литературный критик. 1937. № 9. С. 171–196.

Соколов 1941 – *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. 2-е изд. М., 1941.

Толстой 1995 – *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

Толстой 2003 – *Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества / Сост. и отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2003.

Традиции русского фольклора 1986 – Традиции русского фольклора / Под ред. В.П. Аникина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.

Фольклор как искусство слова 1966 – 1981 – Фольклор как искусство слова / Отв. ред. Н.И. Кравцов. М.: Изд-во МГУ, 1966. [Вып. 1]; 1969. Вып. 2; 1975. Вып. 3; Редкол.: В.П. Аникин, Н.И. Кравцов, Ф.М. Селиванов. 1980. Вып. 4; 1981. Вып. 5.

Художественный фольклор 1926 – От редакции // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. I. С. 3–4.

Чистов 1955 – *Чистов К.В.* Народная поэтесса И.А. Федосова. Очерк жизни и творчества / Под ред. В.И. Чичерова. Петрозаводск, 1955.

Чичеров 1938 – *Чичеров В.И.* Русский фольклор. Программа для факультетов языка и литературы. М., 1938.

Чичеров 1949 – *Чичеров В.И.* Русское народное творчество (фольклор). М.: Учпедгиз, 1949.

Чичеров 1982 – *Чичеров В.И.* Школа сказителей Заонежья / Под ред. В.П. Аникина. М., 1982.